

Олег КУИМОВ

Родился в 1967 году в Кирово-Чугоевске, Армянская ССР, в семье офицера. Окончил Литературный институт. Переменил немало профессий: разнорабочий, экспедитор, маляр, коммерсант, прораб, менеджер, редактор журнала.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Луч», «Наш современник», «Север», «Берега», «Южная звезда» и других. Лауреат различных конкурсов и фестивалей, а также премии журнала «Сура» за 2016 год. Несколько лет сотрудничал с детским журналом «Рюкзачок с сюрпризом». Дипломант премий «Золотой витязь» и имени П. Ершова.

Живет в д. Мильково Московской области.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗГОВОР

Заканчивался один из замечательных, особенно радостных для русской души святочных дней. Смеркалось рано, и село окончательно стихло; даже собаки, закармливаемые остатками долгих праздничных пиршеств, пренебрегали обычным своим удовольствием взбрызнуть на прохожих или перелаяться от скуки с соседями из своего собачьего племени. Случайного проезжего могло бы заинтриговать бросающееся в глаза большое число тёмных окон в то самое время, когда вся страна не работает и по идее должна дома наслаждаться всенародным ничегонеделанием. Однако в январские каникулы нечаянных людей в почти тупиковом поселении на окраине области не бывало, а прохожие, всё местные, спешили как раз к домам с освещёнными окнами, являвшими свидетельство о продолжающейся особенным образом именно в деревенской среде бого- и человеколюбивой традиции широкого празднования рождественских дней за общим столом – со всевозможными закусками и разносолами, один вид которых разжигает аппетит лучше любого аппетита.

В просторном доме Бочкиных заканчивалась весёлая будоражающая суэта последних приготовлений к застолью. Наконец гости сгрудились полукругом от стола в последнем и решительном ожидании – теперь уже когда хозяйка раздаст листки с рождественской стихирой, потому что для воцерковлённых людей, каковыми все присутствующие и являлись, без этого торжественного песнопения столь великий праздник умаляет своё величие и полудетский восторг непередаваемого и необъяснимого ощущения близости с чудесным, какой в святочные дни до конца не покидает даже до старости.

Оксана, хозяйка дома, подвижная и переживчатая, как и подавляющее большинство невысоких женщин, взволнованно обратилась к двоюродному брату, певчому их церкви:

– Саша, начинай!

Тут же и муж её, Виктор, легонько подтолкнул родственника локтём и утвердительно кивнул головой.

Александр, твёрдый ерепенистый взгляд которого выдавал противоречивую и неподатливую натуру, кашлянул в кулак и с молодой пылкостью в голосе произнёс приятным баритоном:

– Нет, Оксана! Это не я должен. Это хозяин. Виктор!

– Почему? – удивился кто-то из гостей. – Ты же клирошанин!

– Ну и что? – всё с той же пылкостью ответил Александр. – Я же не духовное лицо – значит, должен хозяин. Он в собственном доме главный. Всё! Других раскладов нет.

Хозяин замолитствовал, гости запели, вначале нестройно, но при поддержке Александра – уверенней, голоса слились во всеобщем воодушевлении.

Максим, высокий (заметно за метр девяносто) молодой приятный мужчина двадцати девяти лет, лишь чуть более двух лет назад крещённый и ещё не погрузившийся как следует в православную культуру, с удовольствием отметил про себя, что и его голос не выпадает из общего хора, а уж что-что, а помурлыкать что-нибудь взбредшее в голову, когда никто не замечает, он любил.

Максим, в отличие от жены, Киры, двадцатиоднолетней стройной блондинки, был неместным, почти никого не знал и внимательно, по привычке художника-любителя, приглядывался к остальным. Справа от них за стол села тоже молодая супружеская чета – рослый рыжеволосый Дмитрий, трудившийся, как понял из отрывков фраз Максим, в школе физруком, и молодая женщина лет двадцати семи на вид – то ли в чепце, то ли в как-то хитро повязанном платке. Развлекал разговорами за столом, на правах хозяина дома, невысокий, как и жена, добродушный и подвижный Виктор. Его активно поддерживали подруга жены Елена с мужем Николаем и невысокий сухонький пономарь местной церкви Пётр, супруга которого Нина как раз больше молчала и с живым интересом переводила взгляд с одного говорившего на другого. Разговор вёлся самый оживлённый и увлекательный.

В ожидании второго блюда гости подъедали закуску – мелко и красиво нарезанные сыры, сервилат, полукопчёную колбаску, салаты. На какой-то миг все замолчали, и вдруг до сих скромно молчавшая жена Александра Лиза, красивая кареглазая лобастая женщина лет тридцати, произнесла с напряжённым видом человека, преодолевающего стеснение:

– А я всегда в Святки ощущаю какую-то странную близость потустороннего. Снежок падает, тепло и тишина какая-то особенная по вечерам... таинственная, что ли?

– Это ты в детстве насмотрелась мультиков, какие-нибудь «Вечера на хуторе близ Диканьки», – пожалала плечами Валентина, которая жила в соседней деревне и приехала в гости к своей родственнице – хозяйке дома. Горячих разговоров с ней не вели, выслушивали и из вежливости соглашались, поскольку безапелляционный тон её суждений не вызывал желания близкого общения, а более всего отталкивала не сходящая с лица джокондовская улыбка, в отстранённости которой, с одной стороны, не обнаруживалось ничего такого, за что можно было бы порицать, а с другой – ничего, что вызвало бы желание задержаться с ней взглядами в добром христианском единении.

– Ну да, было такое. Может быть, ещё повлияло и то, что мы с девочками любили в универе... – Лиза на мгновение потупилась, – гадать на Святки. Грех, конечно, но я тогда воспринимала это как... ну, шалость.

– Ну ты даёшь, Лиза! Ничё себе шалость! – всплеснула руками эмоциональная Оксана, первая помощница в любом церковном деле.

– Оксана, не строжись, – ласково обратился к жене Виктор, и та промолчала, хотя по выражению её лица было очевидно, что она хотела ещё что-то добавить.

В это время дочка хозяев дома, тоже Оксана и очень похожая на мать и внешне, и характером, подала на стол запечённого поросёнка.

– Ну и что, Лиза? – спросила Лена, когда восторженные возгласы поутихли.

– Ну, я хотела сказать, что мне в такое время хочется почитать святочные рассказы. Там столько мистического и доброго одновременно, – ответила Лиза. – Такое таинство... что-то сказочное, необычное и одновременно жизненное.

– Да, и у меня тоже так же, – поддержала её весёлая общительная Кира, – я в прошлом году Лескова читала – потрясный рассказ. Помню, там в конце про руку очень интересно, она там важную роль играет. Дверь открывается, и все гости с замиранием глядят, как медленно протягивается рука, открывающая входную дверь. Не помню, как рассказ называется, но до слёз, – повторила она.

Оксана замерла с ножом в руках над главным блюдом вечера.

– Варя, ты-то что молчишь? – воскликнула она.

Взгляды присутствующих обратились в сторону скромно сидевшей соседки Максима, мало кому знакомой, потому что жила она с мужем, сыном Елены и Николая, в Москве и в селе появлялась редко.

– Это Варя у нас сейчас юрист, а по первому образованию она, – Оксана оттопырила нижнюю губу и наклонила голову набок, изображая самый многозначительный вид, – фило-лог.

Сидевшая возле хозяев Лена поддержала закадычную подружку:

– Да, невестка у меня с красным дипломом закончила.

Соседка Максима, девушка в чепце, на которую он поначалу в общей суете начала застолья не обратил внимания, повернулась в сторону говоривших и, на удивление, с самым невозмутимым видом, как будто только и ждала, когда её спросят, сказала:

– Лесков?... А что Лесков? Глубокий писатель, которого не прописывают в ряды классиков только потому, что не писал так объёмно, как Толстой, и тяжело, в плане проникновения в сознание, как Достоевский. А по внутреннему содержанию своих работ он не менее велик, чем они. Вся разница в том, что Николай Семёнович не создавал философических идей, его основная идея заключалась в богопреобразующем воздействии на человеческую душу, в основном через переработку евангельских мотивов.

– Ого!.. – подвижное лицо Александра вытянулось, изображая крайнюю степень удивления; и так как нетерпеливой натуре его не по нутру были пространные беседы о чём-то незнакомом, то он поспешил сдвинуть тему разговора в более понятную колею: – Варя, а что там за рассказ такой особенный... рождественский?

– Рассказ? – переспросила Варя.

И когда, приготовившись ответить, она повернулась к сидевшему за Максимом Александру, он впервые заметил, что она красива. В профиль глаза её разглядеть было невозможно. Но теперь...

Лицо её отражало сложный внутренний мир. Мимические морщинки, появлявшиеся во время разговора на высоком лбу, углублялись, сжимались, распрямлялись, то есть находились в постоянном движении,

как и глаза, чью естественную красоту удваивала эта самая живость ума.

На лице Киры, заметившей его интерес к Варя, промелькнула лёгкая полуулыбка-полуусмешка. Она уже не первый год знала Варю, и ей не раз приходилось наблюдать подобную реакцию мужчин – от «слепоты» к «прозрению». Так было всегда. Красота её не была броской, скорее наоборот: если случалось не видеть её глаз, то Варя не удостаивалась особо пристального интереса, несмотря даже на правильные черты лица. Но стоило столкнуться взглядом с её тёмно-карими глазами... Требовалось усилие, чтобы освободиться от их какого-то колдовского, как раньше любили говорить, притяжения. Поэтому, в какой бы компании она ни оказывалась, стоило ей поднять глаза – самый долгий взгляд входящего, даже среди превосходящих её внешне красавиц, всё равно принадлежал Варя! Отчего это происходило? Ощущавшаяся в ней невозмутимость твёрдого и равновесного характера хорошо воспитанной натуры? Пожалуй. Но было и ещё что-то особенное в глубине её глаз, что возвышало её над прочими. Рационалист назвал бы это проявлением глубокого ума, иррационалист – одухотворённостью.

– У Лескова немало святочных произведений, есть целый цикл, и этот рассказ про руку как раз оттуда, называется «Христос в гостях у мужика», – начала Варя. – Но я вот не так давно перечитывала рассказ Куприна «Чудесный доктор»; некоторые критики считают его самым самым вечным у Куприна, а некоторые даже – лучшим из всех его рассказов.

– Как это так? – выпрямился Александр с поднятой вилкой в руке. – А «Очарованный странник»?!

Варя мягко улыбнулась, повернувшись в его сторону:

– Саша, не путай, я теперь говорю про Куприна.

– А, ну да, понял, – Александр согласно потупился, и Варя продолжила:

– Ну, если не вдаваться в подробности, то в двух словах суть такова. Двое мальчиков с завистью наблюдают за окнами, где люди готовятся встречать Новый год. Ну, это в царское время, понятное дело, по старому стилю, то есть в Святки. У всех праздник, а им приходится возвратиться в холодную нетопленную подвальную лачугу, в которой надрывается плачем их новорожденный некормленный братик: дома из еды только пустые щи, и у матери от голода и измождения закончилось молоко. Семилетняя сестрёнка в горячке. Ещё раньше умерла другая девочка – младшенькая. А все беды начались с заболевания отца тифом, на лечение ушли все их сбережения. В довершение невзгод его уволили с работы. В общем, страшная безнадёга. Отец целый день пробегал по городу в поисках денег, даже милостыню пытался просить, да всё безуспешно, а под конец уже бродил по улицам в надежде найти обронённые кем-нибудь деньги. Понятное дело, это уже последняя стадия надежды – искать чужую потерю. Возвращается он домой, немного отогревается и снова убегает в мороз в летнем пальтишке под предлогом новой попытки поиска денег, потому что видеть такую крайнюю нужду собственной семьи невыносимо. Потом он долго бродит по улицам и приходит в пустынный парк, садится на лавку, и его начинают одолевать мысли о самоубийстве.

В это время к нему подсаживается одинокий прохожий, старичок, говорит, что несёт подарки знакомым детям. И тут у отца происходит нервный срыв, и он выплёскивает на незнакомца всю накопившуюся боль: что у кого-то праздник, а его грудной ребёнок не ел целый день, что жену изводит кашель и не видно никакого выхода из беды. Но прохожий, во-

преки его ожиданию, не убегает от него. Напротив, он тут же забывает про праздник и отправляется в нищую лачугу, чтобы спасти семью. Он оказывается доктором и даёт ценные указания по лечению девочки. Благодаря его помощи тут же находятся дрова, затапливается печь. На полученные от него три рубля отец покупает чай, хлеб, горячую еду в трактире. Потом старичок уходит, а хозяин так опешил от нежданного счастья, что не сразу сообразил узнать его имя. Ну, он пытался его догнать, чтобы спросить, за кого молиться, но, в общем, так и ушёл дедушка. Но это ещё не всё! Уходя, он накрыл под своим рецептом три крупных купюры.

Варя замолчала и подняла к губам бокал с соком. Заметив устремлённые на неё вопросительные взгляды, она сделала глоток и улыбнулась:

– Да, это ещё не всё. У любой хорошей истории должен быть хороший конец...

Рассказ её перебил стук в дверь, на который хозяйка поспешила из-за стола.

– Так, без меня не рассказывать, – скомандовала она, – я сейчас.

Гости услышали звук открывающейся двери и следом всем знакомый голос отца Михаила:

– Мир вашему дому.

– С миром принимаем.

– Я на минуточку. Еду мимо, вижу: свет горит – значит, дома. Я к вам по делу.

Виктор поспешил из гостиной к священнику. Слышно было, как он сказал:

– Отец Михаил, батюшка, милости прошу к нашему столу. У нас гости, Христа славим. Тебя не хватает. Милости просим.

– Да мне домой надо.

– Зачем, батюшка? Матушка же у тебя уехала к сестре. Что ты там один дома будешь делать?

– Ну хорошо. Если только ненадолго.

Минуту спустя вошёл отец Михаил – в подпоясанной рубаше навыпуск, рослый ширококостный мужчина немного за пятьдесят, красивое благообразное лицо, спокойные тёмно-карие глаза. Все немного сдвинулись, благо стол был под стать кухне – длинный, широкий. Батюшку усадили на красное место, и, пока перед ним расставляли кухонный прибор, он спросил:

– Я, наверное, перебил вас своим приходом. О чём вы сейчас говорили, если не секрет? – улыбнулся отец Михаил.

Рыжеватый Николай, внешне походивший на киношного немца, всегда невозмутимый и даже несколько холодноватый на первый взгляд, негромко произнёс:

– Не секрет, батюшка. Варя нам интересную историю рассказывала.

Варя, – обратился он к ней, – расскажи, чем там закончилось.

– Я, батюшка, пересказываю краткое содержание «Чудесного доктора», – Варя задумчиво потёрла лоб. – На чём же я остановилась? А... ну вот. Этот, как будто случайный в их жизни, человек принёс им удачу. Отец вскоре устроился на хорошую работу, мать вылечилась, дети выросли, выучились, добились положения в жизни. Только один раз после той встречи им довелось увидеть своего спасителя – когда его везли по Киеву хоронить в собственное имение. А имя старичка они узнали по полученному в аптеке лекарству, на котором было написано: «По рецепту профессора Пирогова». Вот такая вот история. Как написал Куприн в предисловии, она совершенная правда.

Виктор недоумевающе развёл руками:

– Рассказ, конечно, сильный, а где же чудо? Хозяин подумывает о самоубийстве, а тут... ну, повезло, конечно, и всё!

Варя всё с той же мягкой обезоруживающей улыбкой отрицательно покачала головой:

– Нет, Виктор Леонидович, не так! Сами вдумайтесь. Разве не чудо – быть просто услышанным Господом в тот самый момент, когда надежды на собственные возможности больше нет и отчаяние начинает сотрясать внутренние духовные опоры? Чудо! Истинное и безусловное для верующего человека! – взгляд Вари отвердел, карие глаза стали казаться едва ли не чёрными.

– Всё это так, конечно, – не сдавал позиций хозяин дома, – но чудо, это ведь что-то такое... м-м... необычное, сверхъестественное.

Отец Михаил, прежде внимательно слушавший рассказ Вари, перебил его с самым доброжелательным тоном:

– Володя, ты сейчас очень важную тему затронул, – он поднял вверх указательный палец, подчёркивая важность сказанного, – тему случая. Мы к ней ещё вернёмся, а пока давай послушаем, чем ответит на твой вопрос Варя.

Она благодарно улыбнулась священнику и обратилась уже к хозяину дома:

– Виктор Леонидович, вот вы говорите про чудо, что это что-то необычное, а вот вы обратите внимание на один очень важный момент. Никто ведь из находящихся рядом людей не откликнулся, не заметил чужой беды или не захотел заметить. И вдруг в минуту наивысшего отчаяния, которое само по себе уже отталкивающий грех, протягивается из вышины добрая рука спасения. Ну разве это не чудо – быть просто замеченным Богом! Один из множества мурашей, незаметных из-за своего неумения даже толком помолиться, да что там – даже хоть как-то проявиться из миллиардов себе подобных, – услышан! И кем! Самим Творцом! И когда! В минуту наибольшего внутреннего отступления! Ну разве это не... да что там рассуждать, когда текстуально всё уже сказано, да и я уже повторяюсь.

Варя замолчала, и неожиданно для самих себя все ощутили исходившее от неё, внешне невозмутимой, волнение, которое, подобно радиоволнам, передалось всем присутствующим. Почувствовал это и отец Михаил и, как опытный знаток человеческих душ, поспешил сбить напряжение размеренным тоном с особым, располагающим к себе бархатцем в голосе.

– Вот! Правильная мысль. Я тоже иногда об этом думаю, особенно летом, когда возле муравейника оказываюсь. Для меня это тоже чудо – что Бог меня слышит, и вас всех, и любого из миллиардов. А нам всё какие-то особенные чудеса требуются – явственные, чтобы, как апостол Фома, ощутить прикосновением рук пронзённые рёбра – не меньше! – а между тем настоящие чудеса за таковые принимать не желаем. А ведь каждое творение на земле, и живое, и неживое, уже чудо само по себе. Мы такой простенькой, казалось бы, мыслишкой проникнуться не желаем. И кто мы тогда? – отец Михаил поджал губы. – Вот-вот – безумцы! Самые настоящие безумцы! Вот подумайте сами. Могла ли самоорганизоваться жизнь на земле, как проповедуют господа дарвинисты, хотя сам он, к слову, под конец жизни отрёкся от собственной теории?

Отец Михаил обвёл всех внезапно ставшим строгим взглядом, словно выискивая готовых оспорить его мнение. Не обнаружив таковых, он с попрежнему неожиданной сосредоточенностью выпрямился на стуле, как

будто хотел передать слушателям всю важность своих слов. Священство вообще характеризуется склонностью к беседам, а особенно к поучениям, однако подобное тяготение отца Михаила значительно усилилось предыдущей служению учительской практикой в школе и колледже. Его воскресные проповеди, как правило, затягивались, и, зная это, прихожане спешили покинуть церковь до того, как он начнёт говорить. И когда он, наконец, ставил уже окончательную точку в своём поучении, в храме оставалась едва ли треть из числа самых крепких, самых вежливых или менее расторопных. Однако же, как говорится, среди тонн словесной руды терпеливому слушателю перепадали и крупные философские самородки.

– Последние лет двести, – продолжал делиться своим видением отец Михаил, – человечество мечется между пониманием, что Бог есть, что Его не может не быть, и невозможностью поверить, что такое чудо, как жизнь, может быть кем-то сотворено. Вот линия персонального внутреннего разрыва, как, впрочем, и социального. Но всё-таки сомнения разрушают человека, – отец Михаил сделал коротенькую, но выразительную паузу, – раздёргивают целое на части. Так что он всё равно должен, если уж определил для себя берег, плыть к нему, отбросив все сомнения напрочь. Они ведь не только собственные, но и от лукавого порядком хватает.

А вообще, если уж мы говорим о чуде, то его жаждет душа, нуждающаяся в подтверждении своих убеждений, либо натура нетвёрдая. А истинно верующему никаких подтверждений не требуется. Для него весь мир – чудо!

Отец Михаил снова повёл вокруг себя взглядом и по стародавней своей привычке, обретённой всё теми же годами учительствования, поднял вверх указательный палец:

– Каждое творение во вселенной, живое и неживое, – чудо! Только в том-то и беда, что для нас оно просто привычное окружающее. А ещё чуда желают для оправдания своей правды. Поэтому и спорят христиане разных конфессий, мусульмане, язычники и прочие – никто не может доказать своей правоты. А тут раз – чудо! Во! – палец отца Михаила вновь устремился вверх. – Мы все как думаем? Раз чудо, значит, что вам ещё нужно доказывать?! Мои убеждения истинные! Чудом доказано. И здесь всё портят устремления самых горячих и неразумных притягивать к пониманию чуда и истинно явленное, и мнимое.

Да то-то и оно, что если бы чудеса совершались часто – затёрлись бы, как оно и случается всегда. Чудеса же, как бриллиант, единичны. Только при таком условии ложные не проникнут в наши головы, не то кавардак начнётся.

Пётр, почитавший священство разумно, без ненужной перед ним робости, произнёс:

– Не знаю, всё оно, конечно, так, но у нас вроде и настоящих чудес ещё немало случается. Бог посылает для укрепления.

Пётр был уже в старческих годах, но никто не мог дать более семидесяти двух-максимум-пяти этому подвижному, на первый взгляд угрюмому, но на самом деле очень доброму, жизнелюбивому и наблюдательному восьмидесятидвухлетнему мужчине. Слово «старик» никак не вязалось с его образом. Он любил компании, пил один только самогон или, по случаю, коньяк – одну, иногда две стопки, и больше любил послушать других, но и сам был не прочь поговорить. И надо заметить, рассказы его всегда приходились к месту.

– У нас в деревне, – начал свою историю Пётр, – жила одна пьянчужка. На Благовещение в наших краях, а я вырос в Иркутской области,

раньше бытовал обычай: как только в полночь ангелы освятят воду, хозяйки идут к реке за святой водой. Церкви у нас не было, этой водой в доме кропили, больные места обмывали. Пошла моя мама с соседкой по воду, а к ним эта пьянчужка присоединилась, тоже неподалёку жила. Ну, идёт и всю дорогу языком молотит. Да ладно бы ещё только болтала, так нет же! – маты да маты, маты да маты. А идти надо молча всю дорогу, а ещё лучше – молитву творить. Ну, раньше – не сейчас: не было такого, чтобы в проруби окунуться.

– Да, это точно, и у нас я такого не помню, – подтвердил его слова Виктор.

– Прорубь пешней освежили, – продолжал рассказ Пётр, – набрали воды да обратно. А на свету глядь: у всех вода как вода, чистая, богоявленская, а у пьянчужки – полно тины. А у нас там на Нижней Тунгуске достаточно глубоко и вода всегда чистая. Вот вам и мистика. Тут как ни крути, а всё понятно.

Владимир с удовлетворённой улыбкой сытого кота развёл руками:

– Вот это точно – чудо! Ну, не то чтобы чудо исцеления или ещё чего такого, чего без вмешательства свыше быть не может, но всё равно из этой области.

– А разве не может тину принести случайно? – решил вставить своё слово Макар. – Ну, там где-то поднялась по какой-нибудь причине и попала именно к ней.

– Вполне допустимо, – согласился с ним отец Михаил, – вполне. Здесь включается вопрос веры; как говорится, пятьдесят на пятьдесят. Верующий найдёт здесь указание свыше, а для неверующего или иноверца здесь нет никакого доказательства – случайность, совпадение. В общем, как ни крути, а неопровержимое доказательство сверхъестественного отсутствует.

– Батюшка, мы тут говорим, а у нас у самих самое настоящее чудо происходит, – вступила в разговор Валентина, – Богородица благоухает.

Священник непонимающе округлил глаза.

– Постой, это как так – Богородица благоухает?

– Ну, в смысле образ, икона, которую вам сегодня привёз американец... как его... ну, сын бабушки, которая умерла.

Лицо отца Михаила, эмоционального по природе, вытянулось, отображая все чувства, которые, к его тайному неудовольствию, ему, как правило, плохо удавалось скрыть.

– Чего-то я не заметил ничего сверхъестественного с этой иконой, – пожал он плечами, – икона как икона.

– Батюшка, да вы что! – Валентина резко выпрямилась на стуле, и Максим удивился случившейся с ней перемене: не сходявшая с круглого лица блаженная полуулыбка достигнутой мудрости сменилась загоревшимся в глазах запальчивым огоньком, – да я даже пакет нюхала – и тот благоухает.

Отец Михаил слегка нахмурился, соображая.

– Это как так?

– Да, батюшка, благоухает!

– Хм, – задумался отец Михаил, покусывая губу, – благоухает, говоришь...

– Да, благоухает, – подтвердила Валентина, – это же настоящее... – заметив, что батюшка, будто не слыша её слов, потирает лоб, она осеклась на полуслове.

– Понятно... – буркнул тот себе под нос и, словно встrepенувшаяся птица, развёл руками, – но не совсем понятно. Благоухает, говоришь?

– Ну да... даже из пакета благоухание идёт.

– Угу, – не выходя из задумчивого состояния, отец Михаил поднялся из-за стола, – сейчас узнаем...

Все молчали, заинтригованно наблюдая за отцом Михаилом.

– Хм, интересно.. – проговорил он, скрываясь за дверь. – Я сейчас вернусь.

Кто-то спросил:

– Куда это он?

– Не знаю, – ответил за всех Виктор.

– Он, наверное, за иконой пошёл, – догадался Николай.

– Точно! – согласилась с мужем Лена. – А вообще батюшка правильно говорит: какие нам ещё чудеса нужны! У нас просто с возрастом взгляд замыливается. А вспомните, какой необычной нам в детстве каждая травинка казалась. Я когда лет в пять впервые тюльпан увидела, глаз не могла оторвать – как в сказке. Смотрела и не могла налюбоваться. До сих пор помню: такое ощущение возникло, будто я сейчас в сказку попаду – ну не может такой красоты в жизни быть. А сейчас пройду мимо и не обращаю внимания. А ведь это всего лишь один цветок, а сколько во всём мире и цветов, и птиц, и всяких насекомых, и животных. А реки, озёра, горы... столько вокруг красоты.

– А у нас в... – кто-то кашлянул, и Максим не расслышал слова, произнесённого Валентиной, – икона мироточит.

– У нас сейчас что ни храм, то мироточивый образ, – откинулся на спинку стула Николай, потирая пальцы. – А на деле просто плохо обрабатывают доски, вот они смолу и выделяют. Отец Михаил верно сказал: много чудес не может быть, а то и вправду глаза намозолят.

Беседа прервалась. Налили вина, выпили и какое-то время молча закусывали, терпеливо ожидая возвращения отца Михаила. Вернулся он быстро.

– Так, посмотрим, – сказал он, поставив высокий чёрный пакет на стул. – Я ещё сам не глядел.

Все привстали с мест, наблюдая, как отец Михаил откидывает, не вынимая из пакета, края рушника и достаёт икону. В ней и в самом деле не оказалось ничего необычного. Потемневший от времени давно не чищенный оклад, затёртые лики младенца Христа и Богородицы.

– Тихвинская, – послышался чей-то приглушённый голос.

Валентина выпрямилась с торжествующим возгласом:

– Я же говорила, она благоухает!

И в самом деле, от иконы явно исходил тонкий приятный аромат.

– Как будто ладаном, – неуверенно проговорил Николай; и Максим с удивлением отметил, что присущее его бесстрастному лицу выражение холодного непоколебимого скептицизма мигом растворила неожиданно проявившаяся в нём растерянность.

– Нет, – не согласился Пётр. – Очень приятный аромат, но это не ладан.

Кира принялась.

– Похоже на розовое масло.

Женщины одобрительно закивали:

– Да, очень даже похоже.

Отец Михаил, принявшись, наклонился к пакету и вытащил из него рушник, из которого тотчас выпала маленькая бутылочка.

Он широко улыбнулся:

– Ну вот вам и всё чудо! Точно – розовое масло. Не знаю, как оно сюда попало – наверное, американец... – отец Михаил легонько махнул рукой, – Геннадий, его так зовут, каким-то образом обронил. И крышка

неплотно прикрыта, вот вам и всё чудо! Я же уже говорил, что не надо искать чёрного кота в чёрной комнате, особенно если его там нет.

Заметив, как священник при последних словах покосился в её сторону, Валентина открыла было рот:

– Батюшка, я же... – но отец Михаил сделал упреждающий жест ладонью.

– Оставим это. Я вам лучше, коли у нас такое дело, расскажу одну историю, только она длинная. Если хотите...

– Хотим, хотим, батюшка, – дружно отозвался весь стол.

Отец Михаил принялся за свою историю, а Максим, обладая от природы живым и очень подвижным воображением, прикрыл глаза и стал представлять себе, как она происходила на самом деле. И так вошёл в эту роль, что словно бы сам стал свидетелем тех событий.

Дело было в далёкие годы становления советской власти, в самом её начале. В одном из крупных сёл Костромской области трудился сторожем в местной церкви пожилой мужчина. Скажи кому из молодёжи, что дядя Макар в их годы пел на клиросе, – не поверили бы. Дядя Макар?.. Сторож?.. Да ну! Он же сипатый!

Сторож и в самом деле говорил негромко, с небольшой надсадой, а когда, случалось, запевал вместе с прочими христианами в совместной трапезной молитве, то некоторые из рядом стоящих косились и оглядывались на неожиданного певца с выбивающимся из общего созвучного строя низким глухим голосом. Но петь дядя Макар любил и, хотя и зарекался помалкивать, да всё одно забывался и снова получал порцию горечи от косых взглядов и от обиды, что не хочет народ проявить терпение и деликатность, ведь то не в церкви служба. Эх, да ведь не так уж и давно, лет каких-нибудь сорок назад, в особо торжественные службы всё вокруг дрожало от его мощного голоса и малые дети с приоткрытыми ртами разглядывали его как настоящего богатыря вроде Ильи Муромца. А ведь и читал в своё время Макар хорошо. Люди сказывали: заслушаешься, у самых дверей слышно каждое слово – округлое, внятное. А потом случилась обычная для того времени история – бравого парня забрали на воинскую службу.

А brave, они на то и brave, что всегда в самом пекле оказываются. После долгой основательной муштры попал Макар на турецкую войну – на далёкий Шипкинский перевал. Там, после ранения в шею, он и потерял голос. Служили в ту пору уже шесть лет, так что вернулся Макар ещё молодым мужиком, но в родном селе не остался, выбрал себе в жёны маленькую, зато красивую бездетную вдову-солдатку из одного из окрестных сёл. У неё и стали жить. До лихолетья успели вырастить и поставить на ноги четверых деток – двух дочерей и двоих сыновей.

С возрастом Макар заметно изменился. Мало кому из земляков родного села удавалось теперь признать когда-то видного парня, чернявого и черноглазого, с подвижным характером, в этом худощавом седобородом мужчине с цепким взглядом, хотя наблюдательному человеку его широкая плечевая ось, напоминавшая длинную вешалку для рубахи, ещё выдавала прежнюю замечательную телесную развитость. Вместе с уходом сил менялась и натура: прежняя открытость сменилась сдержанностью стареющего человека. Большинству, особенно женщинам и детям, подобная закрытость виделась угрюмостью, однако судили они его так строго потому, что не доводилось им видеть, как светлеет обычно хмурое лицо сторожа и смягчается скрипучий голос – стоит тому раскрыться в доверительной беседе с добрым христианином о вере. В такие моменты,

особенно под способствующую большей откровенности праздничную чарку с добрыми друзьями, в неосуждении и неболтливости которых не сомневался, случилось Макару несколько раз сокрушаться: «За грех мой Бог меня наказал. Дал талант и забрал». А какой грех – не говорил.

По стране гуляло лихо. А у них пока было более-менее. Конечно, село основательно подзапустело: кто-то не вернулся с мировой и гражданской, а многие молодые мужики подались в «зелёные» и прятались по лесам от мобилизации в Красную армию. Жило село трудно, не всю землю обрабатывали из-за недостатка рук и боязни, что всё равно отберут выращенное, как случилось во время продразвёрстки, однако по старой крестьянской мудрости не роптали, радуясь, что у них всё равно получше, чем в центральной России да в Поволжье. Вот уж где – слухи доходили – совсем бедово: недород, полуголод и прочие горести, а за жизнь человеческую и гроша не дадут. И покоя от войны нет. То красные хлеб заберут да мужиков рекрутируют, то белые; и от бандитов разных мастей тоже нет жизни простому народу.

Их же северную глухомань война стороною обошла, даже пальбы не слышали. И белых не довелось увидеть. Только большевики прислали двух солдат-пьяниц представителями власти. Те поначалу сильно жизнь местным отравляли своими дебошами, пока не передрались с активистами из комбеда – основательно, с калечением одного из солдат. Теперь все ждали приезда новых представителей и переживали, как там дальше будет. Боялись всего – и что посевное зерно, которого и без того не доставало, заберут, и что начнут по лесам выкуривать прятавшихся от мобилизации родственников. Да и мало ли какую ещё беду новая власть принесёт!

Так, в ожидании, и до Пасхи дотянули, и уж не то чтобы успокоились совсем, а как-то отступила тревога, когда вечером на службу в храм пошли. Плечи расправились, глаза заблестели – одно слово – жизнь в душу воротилась. Пасха настаёт! Пасха таинственная, Пасха торжественная, Пасха.... А что там дальше – надо ли знать до поры до времени. Будет час – будет и забота. Всё, всё вытеснила из головы Пасха – праздник праздников.

Макар, как сторож, в притворе стоит, первым всех встречает. Всё внутри поёт от нетерпеливой радости, каждая душа христианская родней видится, а всё ж отмеренной сединой солидностью пренебрегать не положено: сдержанно улыбнётся на приветствие детей, качнёт окладистой бородой в ответ молодым, с достоинством равного наклонит в полупоклоне голову перед ровесниками, а вот уж перед совсем стариками не сочтёт зазорным и макушку показать. Какие же сегодня все красивые, по-особому: в каждом взгляде – свет, в улыбке – искренность. Близится, близится уже момент, когда польётся с клиросов торжествующе: «Христос воскрес из мертвых!» Мощно польётся, пока свежи силы у певчих. Это уже потом, ближе к утру, усталость проявится в голосах, но об этом лишь мельком подумалось, да тут же вытеснилось новой заботой: надо глянуть, хорошо ли ключик от хоругвей поворачивается, чтобы не случилось ненужной заминки. Подошёл, осторожно обходя народ, к правой хоругви, крутанул ключик – всё, слава богу, открывается; попробовал левую хоругвь – тоже всё нормально.

Только повернулся, заметил обязательную и только для такого праздника разрешительную суету: выбранные старостой, почти каждый год одни и те же, прихожане пошли по храму с белыми рушниками к иконам – сигнал для детей, что скоро крестный ход начнётся, все пойдут

вокруг храма. Ночной холодок освежит после небольшой духоты в храме – столько свечей горит! Первыми за хоругвеносцами иконы несут обычно отроковицы и девицы незамужние. Смотрит Макар и вспоминает их ползунками на мамкиных руках – вроде как вчера всё было. Двигается колесо жизни, как мельничный жернов: вначале сам на нём поднимаешься, а потом с самого верху видишь, как начинает подъём твоя смена – та, которая покажется на вершине, когда в самом низу, с последней лопасти подхватит тебя и понесёт вода вечности; и всё так же непоколебимо будет раздаваться над землёй тягучий скрип. И будет это обязательно, хотя и представить себе этот самый момент отрыва невозможно, но всё ж таки случится он ровно таким же способом, как случалось у пращуров, прадедов, дедов и отца...

Позади вдруг послышался какой-то шум и вывел Макара из мимолётной думки. Он обернулся и усилием воли удержал коснувшийся спины холодный озноб. В притворе стоял невысокий узкоплечий мужчина в кожаных куртке и фуражке. Поднесённый к груди наган демонстрировал готовность применить оружие и в самой церкви. По бокам от него стояли ещё трое солдат, все значительно выше и крупнее «кожаного». Двое из них то приставляли винтовки к ноге, то поднимали, словно не знали, что с ними делать, пока наконец не поставили прикладами на пол. Зато третий вёл себя невозмутимо и, в отличие от товарищей, как и командир, оставался в будённовке. Оттолкнув плечом Макара, стоявшего у застеклённых дверей между притвором и храмом, он с самым решительным видом толкнул левую створку, чтобы распахнуть её до отказа перед своим командиром.

Громкий глухой стук, да в пасхальную-то службу, вызвал у Макара сдержанное раздражение.

Быстро подойдя к вошедшим, он попытался усостыжить их:

– Вы что? Это же храм Божий! У нас пасхальная служба!

Но «кожаный», даже не взглянув в его сторону, по-хозяйски прошёл мимо Макара внутрь. Клироса молчали, потому что отец Сергей пел в алтаре «Воскресение Твое, Христе Спасе...» Врата были распахнуты, но, обходя престол в совершенном сосредоточении, священник ничего не слышал и не замечал. Певчие же в полном оцепенении устали на вошедших вооружённых людей, вокруг которых сразу возникла пустота, и замерли, словно в гоголевской немой сцене. Клирошане, эти приближённые к священству люди, были растеряны.

Не слыша певчих, отец Сергей заметил наконец нарушителей церковного порядка и тоже замер, не веря, что подобное беззаконие может происходить в такую минуту, когда смерть трепещет в страхе перед торжеством готового вот-вот свершиться покаяния её жизнью. Священник прикрыл веки, чтобы не выдать замешательства. В эту минуту стояния перед Святым престолом, в самый момент наступавшего таинства, говорить ему было не то чтобы нельзя, но как-то святотатственно, хотя бы до той поры пока не допоят клирошане, чтобы не разрывалась соединившая землю с Небом мистическая связь. И вся церковь, в уповании на эту связь, с надеждой смотрела на пастыря: он укажет верный выход.

Однако первым заговорил «кожаный» командир:

– Что, Пасху собрались праздновать! Контр-р-революция! – он медленно повёл суровым взором по сторонам, не задерживаясь на лицах даже самых красивых девушек, затем остановил взгляд на Царских вратах и с чуть искривившей губы презрительной ухмылкой взялся за ремень, упиваясь произведённым впечатлением победителя.

При виде всеобщего оцепенения в голове старого солдата Макара пронеслось: «Понятное дело, внезапность – безотказный манёвр. Тут и опытному вояке требуется выдержка, а о небитом что уж говорить – растеряется, оставит позицию. Без поддержки понюхавших пороху не обойтись». Уж Макару ли не знать того! Было время, довелось и ему, молодому необстрелянному солдату, повоевать. В поход шли с решимостью не опорочить славу предков, себя героически проявить – обычный молодецкий настрой. Ну, убить, понятное дело, могут – на то она и война. Только сколько ни скажи «халва», всё равно вкуса не познаешь, пока не попробуешь.

На подходе к Шипке шальная пуля лишила жизни солдата их взвода, бывшего старше Макара всего лишь на год. Глядя на красивое и теперь уже умиротворённое лицо покойника, он представил себе, как тот умирал, какую страсть ему пришлось испытать в последние минуты жизни, зная, что рана в бок смертельна и что ещё мгновение – и скроется он навсегда за безвозвратной чертой смертного таинства и станет там держать ответ – за то, как распорядился каждым полученным свыше талантом, за каждую боль, нанесённую всему живому на белом свете. За всё! И так это ясно представилось Макару, что уже, нет, не понял, а проникся самой последней клеточкой своего мозга, что и его точно так же может не стать! – и наверняка не станет, потому что каждый человек родился, чтобы умереть, и он, Макар, – тоже, но что неизбежное может произойти не ТОГДА, когда, пожив на свете, успеешь порадоваться жизни и подготовиться к расставанию с ней, а в любой миг. В любой! И такой непереносимый ужас пронзил Макара: как это? – сейчас был – и вдруг перестал быть и никогда не увидится с батюшкой, с мамкой, с братьями и сестрами; и не будет больше над ним этого неба и солнышка – неожиданно и разом. А будет ответ – суровый и беспристрастный, и неизвестно ещё, как его выдержишь. И открылось для него тогда, отчего люди так низко падают в своей подлости из страха перед смертью. Навсегда открылось!..

И потому повидавший жизнь ветеран знал особенно ясно: Пасха должна свершиться! Чтобы поправить этот недостойный света страх, потому что спасение души и есть освобождение от страха. Голос всех христиан должен дойти до Бога. Иначе невозможно – сегодня Пасха! Сегодня любовь! И нет жизни на земле и даже во всей вселенной, если она прекратится. А если «кожаные» остановят Пасху, то, значит, и жизнь на Земле прекратится. Не будет ничего. Совсем ничего.

У Макара заскребло подложечкой: ещё ничего толком не успел подумать, но подсознание уже просигнализировало – решение принято! Опасное! Но разве можно по-другому?! Разве остался иной выбор?! Неожиданно для самого себя он шагнул вперёд, будто выходя из строя: важен первый шаг сквозь собственный страх, а там уж не плошай да крепись.

Тишину, в которой замедлившееся движение висевших на стене ходиков звучало несоразмерно громко и тягостно, словно стрелки отсчитывали последние минуты существования, внезапно нарушило глухое покашливание и показавшийся громopodobным стук задевшей стенку деревянной лавки. Все взгляды устремились на сторожа, уже шагавшего к правому клиросу неторопливой уверенной походкой. «Кожаный» всё с той же театральностью изобразил недоумение, буравя взглядом спину удалявшегося от него странного мужика.

А меж тем тот поднялся на солею, встал возле правого клироса, коротко кашлянул в кулак и запел: «И нас на земли...» Он ожидал, что голос его прозвучит громко, выведет клирос из замешательства, и все

грянут единым духом. Но вместо этого услышал неожиданно глухое низкое собственное пение и... тишину! Все непонимающе смотрели на нежданного певца – разве так можно петь на Пасху? «Кожаный» засмеялся, громко, весело. Макар осуждающе строго оглянулся на певчих – никто не поддержал его, не скрыл за своей мощью его немощи. А ведь дело-то у них единое, христианское. Голос его замер от удивления.

Сотни взглядов ощущал Макар, но не обратил ни на кого своего и вдруг, движимый неясным чувством, повел взором налево и – словно мороз пробежал по спине и поднял волосы на голове – ему казалось, что взгляд Спаса был устремлён только на него одного – суровый, ожидающий. И ему вдруг стало всё равно, каким он убогим выглядит перед всеми. Он перед Богом один? Ну что ж, и так бывает. И на Суде тоже так будет, и даже ещё страшнее. И никто из присутствовавших сейчас в храме не то что не сможет помочь ему, но даже и не дерзнёт осмелиться слово замолвить.

«Кожаный» с победным видом огляделся по сторонам, не обращая больше внимания на это безголосое недоразумение, которое, как и следовало ожидать, замолчало ввиду полной несостоятельности. «Отпели своё, голубчики», – он удовлетворённо усмехнулся. И вдруг усмешка его застыла на искривившемся лице и погасла – безголосый сторож пел! Именно пел! Чисто!

«Кожаный» передёрнул плечами, как от озноба. Он тоже опешил, не веря собственным ушам, как и все прочие в храме.

Неожиданно дрогнул, присоединяясь к пению чей-то высокий юношеский голос, неуверенный, потому что привык пока что только поддерживать хор, не выделяясь из общего звучания. И вдруг, в нарушение служебного устава, всей своей мощью грянули оба клироса, а не один правый: «...сподоби чистыми сердцы Тебе славити». Но не было в том нарушения, потому что свершилось главное – единение, а по-гречески – Литургия.

И «кожаный» отшатнулся, словно отброшенный неведомой волной, рождённой всеобщим порывом певчих, и силу его, рождённую ненавистью, унёс страх. «Ничего, мы с вами ещё разберёмся. Придёт время», – воскликнул он, разворачиваясь, и вышел вон из церкви. Молодой солдат юркнул следом, стаскивая с головы будённовку, но тут же опомнившись, снова надел её в притворе. Направлявшиеся вслед им солдаты, что были постарше, часто оглядывались, как оглядываются совершающие что-то через неохоту.

Закончив рассказ, отец Михаил обвёл присутствующих улыбчивым взглядом, в котором читалось выражение лёгкой вопросительной хитринки. Он молчал. Не выдержав повисшей паузы, Виктор спросил:

– А-а... батюшка... а при чём здесь чудо?

Хитринка в глазах отца Михаила сменилась открытой торжествующей улыбкой.

– Вот! – поднял он указательный палец. – Вот он, правильный вопрос. А чудо, Виктор, в том, что храм этот не закрыли ни тогда, ни даже когда в тридцатом году вышел указ о борьбе с религией. Единственный из многих в тех краях, который не закрывался никогда во время всей советской власти и действует и поныне. Ну, – отец Михаил как бы виновато развёл руками, – кто-то ничего особенного в этом не увидит, а для меня это настоящее чудо: оставили скромный сельский храм, когда поголовно закрывали приходы. Повсюду! В областных центрах, в крупных городах! Вот так вот!

– Да... – задумчиво выпятил губы Виктор.